

*Когда ж и то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастью бредет презренными путями, —
Так, видно, никогда ты не жил меж людьми.*

Д.И. Фонвизин

Я уже ничего не помню. Я помню, как плакала гора. Баркова гора. Она стояла тысячи лет... и только совсем недавно к ней пришли люди, ну пришли и пришли.

Гора нависала прямо над излучиной быстрой прозрачной реки. Там было много рыбы; утки чинно плыли вдоль камышей, готовые нырнуть в них; чирок, скачущий по темно-зеленым блюдцам листьев желтых кувшинок, озорно торчащих приоткрытыми коробочками-головками; и белые-белые розетки лилий — украшение речушки. Стрекозы, мотыльки, пестрые бабочки, пикирующие коршуны, ласточки, юркие стрижи, — и над всем этим — тишина: тишина распростертая, уходящая вдаль поймы и ввысь к горе, к плывущим высоко-высоко в чистом небе белым облакам. Гроза, шквал, ливень, тучи, встающие чернотой скал — все было. Не было плача... безмолвного, тихого, от которого хотелось выть и грызть зубами землю.

Боже мой! Скифы, сарматы, аланы, гунны, вытеснившие аланов на Северный Кавказ; кочевники печенеги, сменившие

хазар в восьмом, и половцы, пришедшие в одиннадцатом веке в преддверии хлынувших с востока полчищ татар, — кого только не заносило в степи донские, леса воронежские!

Славянские поселения, датируемые тысячелетиями до нашей эры, и городища VIII–X веков клубились по берегам рек Подонья.

А гора стояла. Стояла, как стоял на ней человек, приложивший ребром руку к надбровным дугам, зорко вглядываясь вдаль — не надвигается ли тьма-тьмущая беды неминуемой: и любовался человек красотой неопишуемой, далью дальней, лесами дремучими, рекой полноводной. Отшумели века, а нагнись и сейчас, опершись на колено, да зачерпни горсть воды студеной — нет! не сыщешь сладше... а потому что питают ее родники прохладные, что бегут с гор под дерном лесным, под песками сыпучими в суглинке желтом.

Живописная Баркова гора простирается за городом, километрах в двадцати пяти, у села Чертовицы. В дремучие времена здесь проходила черта лесов непроходимых — дальше степь, да степь, скачи хоть днями до горизонта.

Село разрослось на крутом правом берегу, заросшим лесом, а внизу река, а за ней луга: красивейшие места Обливы тянутся на сотни километров. Так как-то вклинился и санаторий, и другой, — места-то красивые; воздух чист, а воды по прозрачности еще поискать надо. Я туда летом и езжу. На автобусе рейсовом, а потом пешком несколько километров, вдоль реки по высокому берегу, по улочке, теперь уж усердно застроенной особняками. Улочка та обрывается резко, и ты как с самолета все и видишь: простор необъятный, небо — хоть голову запрокинь — конца-края нет; солнце высоко-высоко; стрижи небо исполосовывают, внизу — река излучиной вдаль ускользает, а дальше все луга да леса смешанные, — то тут, то там воды на солнце блестят. Тропинка ведет вниз, к реке, к пляжу, а по левую руку гора и поднимается. Отчего Баркова? Да здесь в незапамятные времена плоскодонки строили, небольшие судна для кладки — барки. На них отправляли «донские отпуска». Большого ума не требовалось, навык только. Леса много было, да и спуски к воде подходящие — пологие да песчаные.

На этот раз я приехала на машине. Рано утром возопил звонок.

— Привет, с праздником тебя. Я думаю на реку съездить, поедешь?

— Тебя тоже, — «то ли Медовый Спас, то ли Яблочный». — Конечно, поеду! А что за праздник сегодня?

— Успение. Тогда через час я подхватчу тебя за перекрестком, тебе минут пятнадцать, ну, чтоб я не крутился на светофорах. — Влад явно был в настроении, иначе он бы меня не позвал.

Я опоздала. Это не в моих правилах, но в последнюю минуту я решила подвести глаза, хотя это тоже не в моих правилах — я не крашусь на пляж. Стояли последние дни лета, было воскресенье. Я никогда не ездила на реку в выходные, — не люблю тот шум и колготу, что несут с собой люди.

Мы подъехали со стороны санатория, и всей той красоты я не увидела.

— Так если ты еще не была, ты не узнаешь пляжа! Вернее кусочка, — там, у Барковой горы. Такие перемены! Я все лето здесь, все видел воочию.

— Да-а, загар морской, — оглядев коренастую фигуру, пропела я.

— А ты что так слабо загорела? С Кавказа, с моря!

— Там нет моря. Северный Кавказ. Море — за снежным горным хребтом.

— Вот оно что. Русалка без воды все лето? Косу передумала отрезать?

— Да, жаль. Я у престарелой мачехи гостила; ездила на озеро, но не часто. Вода изумрудная. Жарко. После горного озера и не хотелось появляться на реке, думала, что все выжжено. А тут столько травы! Или дожди, или гусей перестали выпускать на пляж? Красота какая!

— Да вон твои гуси. Пойду искупнусь.. Похоже, санаторий выкупили. Такие работы провернули по ландшафту! Неимоверный грохот стоял, — тропы уж нет на гору.

— Ты что такое говоришь?! Этой тропе сотни лет! — Хотелось пойти к горе, но решила дожждаться Влада. «Можно и искупнуться... посмотреть с реки на гору, если отплыть подальше».

То, что я увидела, сввергло меня в шок. Не дружи я с водой, не смогла бы удержаться на ней продолжительное время на одном месте, сопротивляясь течению. Вдали, в том месте, где река делала поворот, гора была стесана на треть вертикально: дерн, деревья, кусты были сняты, выдернуты с корнем. К основанию был подсыпан песок небольшой полосой, но длинной, по всему срезу; а там, в воде, у излучины, опутывая корнями песчаный крутой берег и спуская их в воду, лежали нагроможденные друг на друга остовы иссохших столетних берез, что покрывали когда-то все основание горы. Мне казалось, что с горы содрали вместе с одеждой и кожу, и мясо. Я повернула к берегу и, выйдя из воды, пошла на чужих ногах между синих ободранных лодок, выловленных из воды и сваленных в кучу вверх днищами, и пирсом, уставленным новенькими бело-розовыми катамаранами. Влад шел сзади и что-то говорил. Я автоматически отвечала.

У горы было непривычно чисто и пусто.

Песок был мокр, просвечивала коричневая глина, уползающая далеко в воду; вода была мутна и бела у кромки берега, а дальше стояла кроваво-желтой гущей. На песке лежало несколько пар, кто-то сидел; какие-то парни, высокие, сильные, красивые, стояли, склонившись у мангала, — никто не смотрел в сторону срезанной горы; в конце позорища, у завала на воде, притулился рыбак. Влад спросил его о чем-то.

— Говорит, нет рыбы.

Здрав голову, я с ужасом смотрела и не верила себе, что такое возможно.

— Почему гора такая мокрая? Вся испещрена следами от струек. Что это?

— Это подземные источники. Они были скрыты под дерном; поднявшись с недр, ручейками сбегали в реку. Здесь их сотни. Гора словно плачет...

— Они погубили ее?!

— Наверно. Когда пойдут дожди, все это сползет в реку. Весь косогор. Видишь, как подкопаны корни деревьев, что остались еще наверху?

Металлическая сетка вгрызалась ячейками в срез горы. Слезы душили меня. Почему это не сон, я могла б хотя бы там упасть на мокрую глину. «Это с меня сорвали кожу, срезали мясо!»

Я кинулась в реку и поплыла по течению вниз. «Что они сделали с горой?! Зачем эта сляпанная из досок баня, что торчит теперь у пирса «гвидоновской» бочкой на чистом плесе, которого больше нет?» Я плыла и плыла. Река несла меня. Небо было высоко, в зените стояло остывающее солнце; оно уже не жгло: оно устало... А там, далеко позади, испуганная, безмолвно истекала плачем гора. Ее стон доносили волны...

Слишком поздно я заметила, что и пляж остался далеко позади. Но ничего, я хорошо плаваю и пойду наперерез течению к берегу. Но я оши-

балась — берег был затянут тугим островом желтых кувшинок, перекрывающих и часть пляжа. «Здесь завязнет и лодка». Я пошла назад, против течения, уверенная в том, что обогну этот вязкий зеленый приступ. Я уходила от фарватера реки, ближе к берегу, но течение сносило меня быстрее, чем я могла предположить. Сил было достаточно. Время шло, но я продвигалась очень медленно. Проплывающие моторки отбрасывали меня назад, конечно, не так сильно, как яхты, и, качаясь на волнах, я стала подумывать, не попросить ли их подбросить меня поближе к берегу, за пути травяного острова.

Но сдаваться не в моих правилах. И я продолжала плыть, приветливо улыбаясь яхтсменам. В отличие от меня, взгляды их были пусты. Жены лежали на палубах, в скуке глядя мимо меня, или, отвернувшись, постукивали розовыми пятками в такт движению.

Если сначала я поглядывала на далекий берег изредка, то теперь я все больше смотрела на него, прикидывая, когда же наконец доплыву. Небольшой кусок тины так и торчал на месте, хотя был метрах в десяти от меня, — и означало это то, что я стою на месте. Странно. Все походило на долгий сон, от которого не можешь очнуться. Усталости я не чувствовала, но и удовлетворения от движения не ощущала. Развернувшись к очередной моторке, где беспечно сидели два дюжих мужика в панاماх и в защитных куртках с разводами маскировки, я уже хотела... но нет... и, растянувшись на спину, закрыла глаза. Я знала, что если задремлю, меня снесет течением. «Странно, но я не знала, насколько оно тут сильное! Нет, надо плыть». Я решила поплыть на спине, быстро работая по поверхности ногами — как на велосипед. Плывая, я ориентировалась по солнцу. Однако, оглянувшись через некоторое время, я увидела все тот же ошметок тины, правда, чуть ближе... и опять убедилась, что практически не продвигаюсь, не потому что не справляюсь с течением, а просто, видно, устала, но не осознаю этого. Ничего не оставалось, как собраться и увеличить темп, ведь берег так и томился вдалеке. После невероятных усилий я все же почти поравнялась с островком, торчащим из воды, и уже различила желтый цвет кувшинки, но очередной катер, на этот раз огромный, с баржу, хотя и шел по фарватеру, что проходил у противоположного берега, отбросил меня назад. «Черт возьми, эти волны!» И я снова прибавила темп, хотя осознала, что сил явно поубавилось.

И тут боль с левой стороны отрезвила меня. «Надо сбавить ход. Хотя вряд ли я уже оплыву кувшинный остров». Впервые у меня вкралось сомнение в своей непотопляемости. А приступ боли пронзил меня снова. «Все, приплыли — сердце. Не будь течения, я бы могла отдохнуть на спине, да и вообще не устала бы, а если б и устала — давно бы это сделала». Я всегда забываю о больном сердце. И если что — вовремя принимаю меры. В этой ситуации я оказалась бессильной. «Ах, где эта земля, на которой я могла бы постоять или присесть? Вон лежит себе недосягаемый берег; и люди там купаются. Это те, которых я не люблю по выходным дням, потому что их много, слишком много... но, пожалуй, только на них мне и остается рассчитывать теперь. Неужели придется звать на помощь? Разве не смешно — я и тону! Хорошо, что не взяла с собой Влада, вот бы согласился! Нет, не согласился бы, — он вдоль реки не плавает, судорог, что ли боится. Кстати, это защемление нерва, когда я безуспешно без растяжки пыталась сесть на шпагат...» Я совсем забыла о ноге, что так мучила судорогой меня в горах, но боли в бедре не было, хотя вода немного прохладна. «Так, если трезво оценить ситуацию, сил, возможно, и хватит. Или не хватит? А вот сердце, видно, подведет... а есть ли сердце у тех...» Оглядев еще раз простран-

ство: реку, небо, близкий и такой далекий берег, я увидела гусей, плывущих среди кувшинного царства. Это была стая домашних гусей, что обычно выщипывали траву по всему пляжу и при всем при этом жутко гадила. Я позавидовала их непотопляемости в этих сплетенных дебрях, и решила плыть наисокосок, — так будет легче справиться с течением. Хотя понимала, что рано — меня снесет на вязкий, топкий остров кувшинок. «Еще не хватало, чтобы гуси меня заклевали».

Так все и получилось. Оказавшись у плавающего острова из скопища листьев, опутавших вытянувшиеся из глубины толстые стебли, мне ничего не оставалось, как признать свое поражение. Вблизи я обнаружила, что между островом кувшинок и берегом была свободная вода. «Вот почему они плыли быстрее меня!» Сил прорваться к этому чистому водному зеркалу не оставалось, но и плыть вдоль... Промелькнула занудная мысль, что я утону из-за остановки сердца. Берег был недосыгаем. «Боже, как хрупка жизнь человеческая! Одно неосторожное движение, и меня не будет... река не поперхнется, на берегу никто не заплачет. И отчего Влад не высматривает меня на берегу, подставив ко лбу ладонь? Меня нет уже больше часа... И как я могла помочь горе, если себе не в силах? Никто не в силах помочь мне — я слишком далека от берега для простых смертных...» Инстинкт самосохранения гнал меня поближе к людям, уже не мышление, а подсознание руководило мной. «Надо плыть через эту топь — через остров кувшинок... Как он красив своими желтыми цветами среди темно-зеленых листьев с высоты горы!.. Но как он страшен, когда попадешь в него...» Я как-то чуть не упустила весло, настолько сильно опутали его стебли кувшинок. И так увязла, что потребовалось немало сноровки и времени, чтобы вывести лодку на чистую воду. Правда, тогда я заплыла в это жерло опрометчиво, преследуя чирка, — уж больно хотелось посмотреть на его гнездо...

«Или это жуткий сон, или я проиграла!». В чем я выигрывала, так это в том, что, завязнув, я могла рассчитывать на помощь. А поплыв вдоль: через многометровый остров травы вряд ли кто осмелится плыть, не побоявшись увязнуть в нем. Но я все еще не верила, что найду какое-то спасение, и все еще рассчитывала только на себя. Даже представить не могла, что закричу: «По-мо-ги-те!!!»

Собрав последние силы и отринув отвращение, я ринулась вперед, вытянувшись в струнку, в надежде, что проскользну по поверхности. Сначала мне это удалось, хотя больно зажгло тело. Ужас, что моя кожа покроется гнойной сыпью, охватил меня на долю секунды. Чертов серебряный браслет, который я никогда не снимала, зацепился за стебель листа кувшинки; я инстинктивно дернула рукой, и, потеряв равновесие, чуть опустила ноги. Этого было достаточно, чтоб они запутались в стеблях, а лианы, как живые, накинудись, туго обвивая и таща вглубь. «Неужели это не сон?!!»

Красивый остров желтых кувшинок засасывал, сдавливая прохладными тисками упругое тело; длинные густые волосы, разметавшись, опутывали листья, лежащие на поверхности воды, и, застряв в выемках в виде сердечка, сковывали угасающие движения. Толстые, пятнистые, зеленоватые сверху и белесые снизу корневища кубышек, похожие на змей, зашевелились на дне. Разомкнувшись, лианы сомкнулись вновь, оставив на поверхности воды дрожащие желтые коробочки кувшинок между крепко соединившихся зеленых листьев, по восковой поверхности которых перекатывались прозрачные капельки.